

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

© 1993 г., ЭО, № 1

Ю. И. Семенов

ПЕРЕХОД ОТ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА К КЛАССОВОМУ: ПУТИ И ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ (часть I)

Предварительные замечания. К настоящему времени можно считать достаточно твердо установленным, что переход от первобытного общества к классовому представляет собой не единовременный акт, а процесс, длившийся сотни и даже тысячи лет. Эта продолжительная историческая эпоха была в свое время выделена А. Фергюсоном под названием варварства. Варварство А. Фергюсон противопоставлял, с одной стороны, дикости, для которой характерно существование коллективной собственности, распределения по потребностям и равенства людей, а с другой — цивилизации, которая наступает с появлением широкого общественного разделения труда, классов и государства. Варварство является периодом перехода от дикости к цивилизации. В эту эпоху зарождаются частная собственность, имущественное и социальное неравенство, различного рода отношения зависимости, деление людей на ранги, власть одних из них над другими¹. В настоящее время общество этой переходной эпохи все чаще именуют предклассовым.

Процессы, происходившие в эпоху перехода от собственно первобытного общества к классовому, советские ученые характеризовали прежде всего как разложение первобытнообщинного строя. И лишь во вторую очередь видели в них становление новых отношений. Истоки такого подхода во многом уходят к работам Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса, в которых была явно абсолютизирована роль рода и вообще родственных объединений в системе общественных отношений первобытности. Долгое время родовые связи рассматривались как основа первобытного общества, с чем связана его характеристика как родового. Соответственно термин «родовой строй» ставился в один ряд с такими, как «рабовладельческий строй», «феодальный строй», «капиталистический строй». В действительности он совершенно несопоставим с тремя последними, ибо в отличие от них характеризует не социально-экономические, а совершенно иные отношения.

В значительной степени такое положение дел было связано с тем, что о системе социально-экономических отношений первобытности во всей ее сложности долгое время мало что было известно. Имелось только самое общее представление.

С переходом к классовому обществу род в конечном счете рано или поздно исчезал. Из взгляда на родовые отношения как на фундамент первобытного общества неизбежно вытекало понимание перехода от этого общества к классовому как процесса прежде всего разложения родового строя. Термин же «родовой строй» рассматривался как полностью совпадающий по своему содержанию с термином «первобытнообщинный строй». Соответственно все, что относилось к первому, автоматически переносилось на второй. Отсюда и кочевавшая из работы в работу формула: «разложение первобытнообщинного строя». Она стала настолько привычной, что над ее смыслом не задумывались.

В свете современных данных этнографии стало ясно, что понятия «родовые отношения» и «первобытные отношения» далеко не совпадают. Существуют народы, у которых родовые отношения полностью исчезли, но которые как были, так и остались на стадии раннего первобытного общества (бушмены, хадза, кубу.

эскимосы медные, полярные, иглулик, нетсилик и т. д.). С другой стороны, известны народы, уже достигшие классового общества, но сохранившие родовую организацию, причем иногда даже материнскую. Наиболее известный пример — минагкабау Суматры.

Рассматривая переход от первобытного общества к классовому как разложение родового строя, советские исследователи, следуя в этом отношении за К. Марксом² и Ф. Энгельсом³, рисовали, применительно к землевладельческим народам, примерно такую схему. Первоначальная родовая община имела общее поле, на котором совместно трудились все ее члены. Продукты труда шли в общий фонд. Далее их судьба мыслилась по-разному. Один вариант — все члены общины совместно питались. Другой — каждая семья по мере надобности получала из общего фонда нужное количество продукта. Следующий шаг — выделение внутри родовой общины больших семей (семейных общин), каждая из которых хозяйствовала так же, как на предшествующей стадии делала родовая община. Только считалось наиболее вероятным, что все члены семейной общины питались совместно. И заключительный шаг: большие семьи распадались на малые, каждая из которых вела самостоятельное хозяйство⁴.

Отметим сразу же, что эта схема находится в противоречии с фактами. Нигде мы не видим родовой общины, подобной описанной выше. Везде в стадийно самых ранних общинах, в которых существовало земледелие, мы сталкиваемся с разделением земли на участки, каждый из которых находился в пользовании членов одной определенной семьи, состоявшей, как правило, из мужа, жены и детей. И такое положение вещей вполне могло сочетаться с нахождением общества на стадии, весьма далекой от предклассовой. Примером могут послужить ваиваи Южной Америки, общество которых было даже не просто первобытным, а ранним первобытным⁵.

Советские ученые, не ограничиваясь выделением указанных этапов, пытались нарисовать картину перехода от второго из них к третьему. В некоторых странах Европы (Россия, Сербия, Черногория и др.) в XIX и даже в XX вв. существовали крестьянские общины и большие семьи (семейные общины). Эти социальные образования не без влияния представлений К. Маркса⁶ и Ф. Энгельса⁷ стали в нашей науке рассматриваться как явления в основе своей, в сущности своей первобытнообщинные, первобытно-коммунистические. В семейной общине видели воплощение первобытнообщинного, коллективистического начала⁸.

Под воздействием капиталистических, рыночных, товарно-денежных отношений семейные общины распадались на самостоятельные малые семьи. Все это трактовалось как победа частной собственности над коллективной, общинной⁹. Судьба семейной, а отчасти и крестьянской общин в условиях капитализма стала рассматриваться в качестве модели перехода от общинной собственности к частной, от первобытного общества к классовому. С этим связано, во-первых, представление о скоротечности этого перехода, во-вторых, опять-таки взгляд на него как на процесс прежде всего разложения, распада старых структур, в-третьих, понимание его как результата возникновения и развития товарного производства. Взгляды Ф. Энгельса на процесс перехода к классовому обществу не были столь упрощенными, но и он придавал огромное значение возникновению товарообмена и товарного производства. В превращении продуктов в товары он видел «зародыш всего последующего переворота»¹⁰.

По нашему мнению, переход от первобытного общества к классовому имел очень мало общего с процессом распада семейной общины и крестьянской общины в условиях капитализма. Во-первых, он длился в течение огромной исторической эпохи. Во-вторых, этот переход представлял собой процесс не распада, разложения старых структур, а их постепенного превращения в новые. Первобытная община не распадалась, не разлагалась, а шаг за шагом трансформировалась в общину качественно иного типа.

В эпоху капитализма, действительно, шел распад соседской крестьянской общины. Она не превращалась в качественно иное образование, а именно раз-

лагалась, исчезала. Некоторые советские авторы, вероятно, даже не отдавая себе в этом отчета, по аналогии примерно также представляли себе картину того, что должно было, по их мнению, происходить при переходе к классовому сообществу. Ряд специалистов по истории Киевской Руси, рисуя, например, картину становления классовых отношений у восточных славян, включали в нее в качестве необходимого момента разложения соседской общины¹¹.

В действительности же в период перехода от первобытного общества к классовому соседская крестьянская община не только не разлагалась, а, наоборот, возникала, формировалась. Возникновение классового общества было одновременно завершением процесса ее становления. В этом обществе она представляла собой не пережиток старого первобытнообщинного уклада, а специфичное для данного этапа развития общества новообразование. В классовом обществе соседская община не всегда разлагалась и не только разлагалась. Она в нем возникла, оформилась и развивалась. Погибла она только с наступлением эры капитализма, да и то не сразу¹².

Таким образом, картина, которая наблюдалась при переходе к классовому обществу, не только существенно отличается, но и в ряде аспектов прямо противоположна той, что имеет место в деревне при проникновении в нее капитализма. В процессе становления частной собственности и классов товарообмен, тем более товарное производство, либо совсем не играли никакой роли, либо роль их была довольно скромной.

Вполне понятно, что модель перехода от первобытного общества к классовому, в основе которой лежала судьба семейной и крестьянской общин в условиях капитализма, не могла дать никакого ответа на вопрос о том, как возникли классы и государство. Их нельзя было вывести ни из распада семейной общины, ни из разложения крестьянской. Кстати говоря, и классы и государство давно уже существовали в обществе, в котором шел этот процесс.

Переход от первобытного общества к классовому прежде всего представлял собой процесс становления нового, а именно классов и государства. В основе формирования классов лежало появление эксплуатации человека человеком. Чтобы понять, как происходил переход от первобытного общества к классовому, нужно воссоздать процесс становления эксплуатации. Отношения эксплуатации входят в социально-экономическую структуру общества.

Поэтому только исследование экономики первобытного и предклассового общества, которым занимается особая научная дисциплина, носящая название экономической антропологии или экономической этнологии, может пролить свет на процесс становления классового общества¹³. Пока экономической этнологии не существовало, путь к конкретному решению проблемы становления классов был по существу закрыт. Конечно, исследователи и раньше обращались при попытке решения этой проблемы к явлениям экономики. Но чаще всего это сводилось к подбору отдельных примеров, долженствующих подтвердить правильность взглядов того или иного автора.

В немалой степени исследователям мешало и стремление понять любую типологию позднего первобытного и предклассового общества как стадиальную. В результате параллельно существующие варианты развития часто истолковывались как стадии эволюции, а сам процесс нередко понимался как в принципе одинаковый у всех народов. Стремление нарисовать единую картину становления классового общества вело нередко к тому, что в ней произвольно объединялись элементы, которые в действительности относились к разным вариантам развития и, конечно, такая искусственная конструкция не выдерживала соприкосновения с действительностью.

И, пожалуй, одним из главных, если не главным препятствием на пути решения рассматриваемой задачи было господствующее в нашей литературе сведение всех форм эксплуатации к трем: рабовладельческой, феодальной и капиталистической. До V в. н. э. допускалось существование только одной формы эксплуатации — рабовладельческой. Поэтому, когда наши исследователи сталки-

вались с иными формами эксплуатации, они либо умалчивали об их существовании, либо объявляли их рабовладельческими, либо, наконец, ограничивались их описанием, никак при этом их не характеризуя. Но в любом случае в теоретических построениях они во внимание не принимались.

Период с V до XV в. считался эпохой феодализма. При этом не исключалось существование в это время и рабовладельческих отношений. В результате все отношения, кроме рабовладельческих, объявлялись феодальными. Ради этого исследователи не останавливались перед прямым извращением фактов, перед явными передержками и натяжками. С XVI в. допускалось существование в предклассовых обществах, наряду с рабовладельческими и феодальными, также и зародышевых капиталистических, но вполне понятно, никаких других форм эксплуатации, кроме трех названных.

Отказ от всех названных выше догм является необходимым условием проникновения в сущность перехода от первобытного общества к классовому.

Р а н н и е ф о р м ы э к с п л у а т а ц и и. Они достаточно подробно рассмотрены в моей статье «Типология ранних форм эксплуатации»¹⁴, что позволяет ограничиться здесь лишь самой краткой их характеристикой. В строго научном смысле слова «эксплуатация» есть безвозмездное присвоение одними людьми доли общественного продукта, созданного другими людьми. Это присвоение может происходить по-разному. В одних случаях оно происходит в процессе собственно производства. Сам процесс производства является процессом эксплуатации человека человеком. Если производственные отношения данного типа образуют общественно-экономический уклад, то перед нами определенным *способом производства*, являющийся одновременно и определенным *способом эксплуатации* человека человеком. Если производственные отношения данного типа не образуют самостоятельного общественно-экономического уклада, то перед нами *образ производства*, а тем самым и *образ эксплуатации*. Если эксплуатация происходит не в процессе собственно производства, а уже после того, как он завершился, то перед нами определенным *методом эксплуатации* человека человеком, который паразитирует на тех или иных способах (образах) производства¹⁵.

В предклассовом обществе существовали такие методы эксплуатации, как систематический военный грабеж, данничество, посредническая торговля и ростовщичество. К числу образов эксплуатации относятся *помогодоминатный*, *заемно-доминатный* и *преполитарный*¹⁶. Ранним способом эксплуатации является *протополитарный*.

Все остальные ранние формы эксплуатации выступают в качестве как образа, так и способа. Их можно свести к двум основным типам. Один из них — *доминатный* способ (образ) эксплуатации. Суть его заключается в том, что эксплуатируемый полностью работает в хозяйстве эксплуататора. Этот способ выступает в четырех вариантах, которые часто являются и его составными элементами. Эти четыре варианта можно назвать подспособами (подобразами) эксплуатации. В одном случае человек работает только за содержание (кров, пища, одежда). Это — *доминатно-приживальческий* или просто *приживальческий* подспособ (подобраз) эксплуатации. В другом — он работает за определенную плату. Здесь перед нами наемный работник докапиталистического типа, наймит. Этот вариант можно было бы назвать *доминатно-наймитским* или просто *наймитским*. В третьем случае человек оказывается в чужом хозяйстве как заложник или несостоятельный должник. Это — *доминатно-кабальный подспособ* (подобраз) производства. И наконец, четвертым является *доминатно-рабовладельческий* подспособ (подобраз) эксплуатации. Рабство как вариант и составной элемент доминатного способа (образа) эксплуатации качественно отличается от рабства как самостоятельного способа производства. В литературе его принято именовать домашним или патриархальным рабством.

Другим основным ранним способом (образом) эксплуатации является *магнатный*. Он выступает в трех вариантах, которые одновременно являются и его основными элементами. При этом способе основное средство производства —

земля, находящаяся в полной собственности эксплуататора, передается в обособленное пользование работника, который более или менее самостоятельно ведет хозяйство. Случалось, что непосредственный производитель получал от эксплуататора не только землю, но и все средства труда. Работник обычно отдавал собственнику земли часть урожая с выделенного участка, а нередко также трудился в собственном хозяйстве эксплуататора.

Таким работником мог стать раб, посаженный на землю. Это — *магнатно-рабовладельческий* вариант магнатного способа (образа) производства. Им мог стать человек, оказавшийся в зависимости от владельца земли в результате задолженности. Это — *магнатно-кабальный* подспособ (подобраз) эксплуатации. И наконец, им мог стать человек, взявший участок земли в аренду и оказавшийся в результате этого не только в экономической, но и в неэкономической зависимости от владельца земли. Это — *магнатно-арендный* подспособ (подобраз) производства.

Магнатные отношения могли быть связаны с передачей в обособленное пользование работника не только земли, но и скота. Такого рода магнатные отношения (обычно магнатно-арендные) были широко распространены у скотоводческих народов. Они назывались саан, суан, тераз, помыш, сапис, вадия, и т. п.¹⁷

Нередко магнатный и доминатный способы производства срастались друг другом, образуя по существу единый доминамагнатный способ производства. Доминаты при этом были одновременно и магнатами¹⁸.

Протополитарный способ производства есть формирующийся политарный. Первый из них существует в предклассовом обществе, второй — в классовом. Отличаются они друг от друга лишь степенью зрелости. Оба они детально проанализированы в моей работе «Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии»¹⁹, что позволяет ограничиться здесь лишь основной их характеристикой. Политарный способ производства известен в литературе по названию «азиатский способ производства», которое было дано К. Марксом. Он существовал в трех основных вариантах²⁰, из которых я остановлюсь лишь на одном — политарно-общинном. Этого вполне достаточно, ибо в предклассовом обществе мы встретимся из политарных отношений лишь с формирующимися политарно-общинными.

Для *политарного* способа производства, как и для любого другого антагонистического способа производства, характерно существование двух групп людей, из которых одна безвозмездно присваивает труд другой. При *политарно-общинном* варианте одну из этих групп составляют мелкие производители-земледельцы, которые самостоятельно ведут хозяйство и объединены в общины. Их обычно называют крестьянами-общинниками.

Имеется несомненное сходство между политарно-общинным вариантом политарного способа производства и феодализмом: производители материальных благ являются, хотя и подчиненными, но собственниками земли и своей личности. Соответственно представители господствующей группы были не полными, а лишь верховными собственниками земли и личности работников. Но на этом сходство и кончается. Если при феодализме прибавочный продукт непосредственно поступает отдельным представителям класса эксплуататоров, то при политарном способе производства он поступает государству, а затем распределяется между людьми, составляющими государственный аппарат, в соответствии с их положением на иерархической лестнице власти.

Таким образом, вторую группу людей составляли люди, входившие в состав государственного аппарата. Именно они, но только все вместе взятые, а не каждый по отдельности, были верховными собственниками земли и личности непосредственных производителей материальных благ. Частная собственность существует в разных формах: она может быть персональной, групповой — наконец, общеклассовой. В данном случае мы имеем дело с верховной общеклассовой частной собственностью, выступающей в форме государственной. С этим и связано совпадение в общем и целом класса эксплуататоров с госу

дарственным аппаратом. Именно поэтому я предпочитаю именовать этот способ производства политарным (от греч. полития — государство). Политарный способ производства включал в себя в качестве основы крестьянско-общинный.

Все члены господствующего класса входили в состав особой иерархически организованной системы распределения прибавочного продукта, которую можно было бы назвать *политосистемой*. Глава этой системы, а тем самым и государственным аппаратом, был верховным распорядителем общеклассовой собственности и соответственно прибавочного продукта. Этого человека, роль которого была огромной, можно было бы назвать *политархом*. Соответственно государство, которое было одновременно ячейкой общеклассовой частной собственности, можно было бы именовать *политархией*. В применении к предклассовому обществу, где политарный способ производства только формировался, все термины, характеризующие его, будут применяться с приставками *прото* или *пра*: протополитарный способ производства, протополитаризм, протополитарх, протополитархия, протополитаристы, пракрестьянско-общинный способ производства, пракрестьянская община, пракрестьяне и т. п.

Эволюция позднего первобытного общества. В развитии собственно первобытного общества достаточно отчетливо выделяются две основные стадии: фаза ранней первобытной общины (раннего первобытного общества), для которой характерен первобытный коммунизм (коммунализм), т. е. безраздельное господство общественной собственности и распределение по потребностям; и фаза поздней первобытной общины (позднего первобытного общества), на которой наряду с общественной собственностью возникает отдельная собственность индивидов, а распределение по потребностям дополняется и постепенно вытесняется распределением по труду. Распределение по труду и отдельная собственность с неизбежностью предполагают возникновение имущественного неравенства. Однако при этом продолжает сохраняться свободный доступ всех членов общины к необходимым средствам производства²¹.

В моей монографии «Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество»²² подробно рассмотрены все стадии развития социально-экономических отношений доклассового общества вплоть до перехода к позднему предклассовому обществу. Остановимся на некоторых основных ее положениях, имеющих прямое отношение к становлению отношений эксплуатации.

Переход от фазы раннего первобытного общества к фазе позднего первобытного общества был ознаменован своеобразным раздвоением системы социально-экономических отношений: наряду с системой обращения жизнеобеспечивающего продукта возникла особая система циркуляции избыточного продукта²³. Последняя в этнографической литературе получила наименование *престижной экономики*²⁴. Различные объекты циркулировали в системе престижной экономики в форме даров. Престижная экономика в своей сущности была системой престижного дарообмена.

Престижный обмен приобретал церемониальные формы. Дарения происходили во время особых торжеств, на которые одна община приглашала членов других. Примерами дароторжеств могут послужить «пиры мертвых» у эскимосов Аляски, потлачи индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки, «свинные» праздники папуасов гор Новой Гвинеи²⁵.

Чем больше человек дарил, тем обширнее были его связи с членами других социально-исторических организмов, тем большим числом материальных ресурсов он единолично распоряжался, тем большим влиянием, престижем он пользовался как в своей общине, так и за ее пределами. Вместе с престижно-экономическими отношениями возник новый стимул к производству — стремление к престижу, которое в отличие от других не знало предела. Престиж можно было увеличивать безгранично.

Желание увеличить и утвердить свой престиж имело следствием стремление как можно больше дарить. Но, чтобы так поступать, нужно было иметь в своем распоряжении достаточное количество продуктов. Один из путей к этому: самому производить их в возможно большем количестве. Одни люди могли произвести

больше, другие — меньше. Соответственно и дарили одни больше, другие меньше. А были и такие, которые вообще не дарили. Так наметилось столь характерное для поздней первобытной общины своеобразное имущественное неравенство. В ней выделились важные и ординарные люди. Затем появились и бедняки.

Всегда существовал предел тому, что человек мог произвести сам или с помощью членов своей семьи. Стремление к престижу делало необходимым его преодоление. Это могло быть сделано только путем использования для дарения продуктов, созданных другими людьми. В результате люди, стремившиеся к все большему и большему престижу, начали создавать своеобразные системы отношений по мобилизации продуктов чужого труда. Человек, ставший центром такой звездной системы, не только получал, но и давал, причем не только созданное самим, но и полученное от других людей. Поэтому такие системы можно было бы охарактеризовать как *редистрибутивные*.

Редистрибутивные системы по разным признакам могут быть подразделены на несколько типов. В одних системах доходы, т. е. поступления от периферии системы к ее центру, в общем и целом равнялись расходам, т. е. поступлениям от центра к периферии. В результате возможности человека дарить были в конечном счете по-прежнему ограничены. Пока он прямо или косвенно в общем и целом возмещал полученный им для дарения чужой продукт, престиж его зависел в конечном счете от того, сколько он сам производил.

Преодолеть это ограничение можно было только путем перехода к безвозмездному присвоению продуктов чужого труда. Таким образом, логика развития престижной экономики с неизбежностью вела к возникновению эксплуатации человека человеком. Неэксплуаторские редистрибутивные системы превратились в такие, в которых доходы превышали расходы, т. е. эксплуататорские. Безвозмездное присвоение чужого труда возникло первоначально не как способ или даже образ производства, а как метод эксплуатации, паразитирующий на первобытнообщинном способе производства в его позднепервобытном варианте. Данный метод эксплуатации можно было бы назвать *редистрибутивным*. Он не предполагал существования частной собственности.

Были такие редистрибутивные системы, которые охватывали лишь часть членов того или иного социально-исторического организма (социора). В таком случае в общине могло существовать несколько редистрибутивных систем. Подобного рода системы можно было бы назвать *субсоциорными*. Но возникали и такие редистрибутивные системы, которые охватывали всех членов позднепервобытной общины. Их можно было бы назвать *пансоциорными*. Человек, стоявший в центре такой системы, был единоличным лидером общины.

Судьбы одних редистрибутивных систем были связаны с определенными конкретными лицами. Они были созданиями этих людей. Человек, чтобы выделиться и добиться престижа, шаг за шагом формировал редистрибутивную систему, центром которой являлся. С годами, когда силы уходили, система начинала суживаться. Смерть человека, стоявшего в центре системы, означала ее окончательное исчезновение. Такие редистрибутивные системы можно было бы назвать *персонализированными*.

Но в определенных условиях редистрибутивная система могла теснейшим образом срастись либо с общиной в целом, либо с более или менее очерченной группой внутри последней. В результате ее существование оказывалось связанным с бытием не конкретного человека, а социально-исторического организма или субсоциорной группы. Когда человек, стоявший в центре системы, умирал, она продолжала сохраняться. Положение центра системы было общественной должностью. И после смерти одного носителя должности она переходила к другому человеку. Ему не нужно было создавать редистрибутивную систему заново. Он становился центром уже существующей системы. Такую систему можно было бы назвать *объективированной*.

Люди, стоявшие в центре субсоциорных персонализированных систем, давно уже получили особое название в этнографических работах. Их именуют бигме-

нами (большими людьми)²⁶. Созданное на меланезийском материале это понятие применяется почти исключительно по отношению к Меланезии. Но бигмены существовали и далеко за ее пределами. Подлинными бигменами были, например, умалики у эскимосов Северной Аляски²⁷.

Люди, стоящие в центре объективированных редистрибутивных систем, особого названия в этнографической литературе не получили. А нужда в таком термине имеется. В дальнейшем изложении мы будем называть их *чифменами* (главными людьми). Статус чифмена передавался по наследству. Если бигменом в принципе мог стать любой, то чифменом только человек, принадлежавший к определенному узкому кругу, вхождение в который определялось происхождением. Таким образом, в общинах с объективированными редистрибутивными системами существовало два слоя людей, принадлежность к которым определялась родством. Один из них был наделен такими правами, которых был лишен второй. Один слой был привилегированным, другой — непривилегированным. В применении к классовому обществу, где существует право, такие слои обычно называются сословиями. В отношении позднепервобытного, а также предклассового общества лучше говорить о *прасословиях*.

Таким образом, существовало два основных варианта позднепервобытного общества: один с бигменами, другой — с чифменами. На первом этапе ни бигмены, ни чифмены не эксплуатировали своих однообщинников. Таких бигменов и чифменов можно было бы назвать ранними. Примером обществ с ранними бигменами могут послужить верховые танана Аляски²⁸ и, возможно, сиане и менди гор Новой Гвинеи²⁹, с ранними чифменами — кауилла Калифорнии³⁰.

На смену ранним бигменам и чифменам пришли поздние, которые уже использовали редистрибутивный метод эксплуатации. Поздние бигмены существовали у кума³¹ гор Новой Гвинеи, поздние чифмены — у туземцев о. Вогео³² и островов Мофеафен³³ в Меланезии, у номлаков³⁴, нисенан³⁵, винту³⁶, иокутсов³⁷, патвин³⁸ Калифорнии.

Развитие обществ с бигменами и обществ с чифменами нельзя рассматривать как две строго параллельные линии, которые не способны пересечься. Процесс превращения поздних бигменов в поздних чифменов наблюдался, например, в обществе меланезийцев о. Гуденаф³⁹.

Не только ранние, но и поздние бигмены и чифмены находились в рамках позднепервобытного общества. В случае с поздними бигменами и чифменами мы сталкиваемся с эксплуатацией, но пока еще не основанной на частной собственности. Перед нами не образ эксплуатации, а только метод. Следующий шаг выводит нас за пределы позднепервобытного общества.

Типология раннего предклассового общества. Когда бигмены и чифмены, наряду с редистрибутивным методом эксплуатации, начинают использовать доминатный и магнатный образы эксплуатации, которые уже предполагают ту или иную форму частной собственности, мы имеем дело уже с предклассовым обществом. Таких бигменов и чифменов можно было бы назвать позднейшими.

Позднейшие бигмены у чимбу⁴⁰, мелпа⁴¹, мае энга⁴², капауку⁴³ гор Новой Гвинеи имели приживалов, у сиуаи о. Бугенвиль⁴⁴ и у атна Аляски⁴⁵ — приживалов и рабов. У позднейших чифменов у эскимосов чугачей были рабы⁴⁶. И на этом уровне нет строгого параллелизма развития линий бигменов и чифменов. У манус одноименного острова (острова Адмиралтейства) наблюдалась картина замены чифменов, по-видимому, поздних, позднейшими бигменами, широко использовавшими заемнодоминатный образ эксплуатации⁴⁷.

Но если на стадии позднепервобытного общества существовали лишь два варианта развития: бигменовский и чифменовский, то в раннем предклассовом обществе их количество увеличилось до четырех. Два из них уже были названы: вариант с позднейшими бигменами и вариант с позднейшими чифменами.

По-видимому, от поздних, а может быть, и позднейших бигменов отделилась линия развития, которая привела к возникновению еще одной формы эксплуа-

таторов. В отличие от чифменов они не составляли прасловия, в отличие от бигменов они передавали свое богатство, состоявшее из престижных ценностей, а тем самым и свое положение в обществе потомкам. Они были частными собственниками, но не средств производства, а престижных ценностей. Эти эксплуататоры, которых можно было бы назвать *преплутаристами*, использовали помогодоминатный, а также доминатный образы эксплуатации. Последний выступал в двух формах: приживальческом и кабальническом. Примером *преплутарного* варианта развития могут послужить толова и юрки Калифорнии и Орегона ⁴⁸.

И наконец, последним по счету, но отнюдь не по важности является вариант развития, при котором под редистрибутивный метод эксплуатации подводится достаточно прочная основа в виде должностной, титульной собственности человека, находящегося в центре эксплуататорской, объективированной, пансоциорно редистрибутивной системы, на землю общины. При этом варианте земля, которую пользовались члены общины, была одновременно и собственностью общины титульной, должностной частной собственностью главы общины. Образ эксплуатации, базирующийся на титульной, должностной частной собственности главы общины на ее землю был той основой, на которой в дальнейшем развитии возник протополитарный способ производства. Поэтому его можно назвать *преполитарным*. Для преполитарного общества, как и для общества с чифменами было характерно существование прасловий. В состав привилегированного сословия (знать, аристократия) входил *преполитарх* и его ближайшие родственники.

В большинстве случаев, вероятно, преполитархи возникли из поздних чифменов. Иначе говоря, от поздних чифменов развитие пошло в двух направлениях: одна линия привела к позднейшим чифменам, другая — к преполитархам. Однако не может быть исключено возникновение преполитархов из позднейших чифменов и поздних или позднейших бигменов. Во всяком случае в развитии позднейших бигменов у сиауи о. Бугенвиль прослеживается тенденция движения в сторону преполитаризма ⁴⁹.

Есть общества, в которых существовала одна лишь преполитарная форма эксплуатации. Примером могут послужить полинезийцы о. Тикопия ⁵⁰. У маори Новой Зеландии наряду с преполитарным образом эксплуатации существовал рабство ⁵¹, у квакиютлей, береговых селишей, хайда, цимшиан, тлинкитов северо-западного побережья Северной Америки — и рабство, и приживальчество ⁵². Но преполитаризм был у них ведущей формой эксплуатации. Поэтому эти общества в целом могут быть охарактеризованы как преполитарные.

Переход к позднему предклассовому обществу. Престижная экономика, возникшая в позднепервобытном обществе, достигла своего наивысшего развития в раннем предклассовом обществе. С переходом к позднему предклассовому обществу она постепенно исчезает. Во всяком случае, с этого времени она перестает быть фактором, определяющим характер общества. Основой раннего предклассового общества был послепервобытный уклад, хозяйственным организмом которого была послепервобытная община. С переходом к позднему предклассовому обществу началось формирование крестьянско-общинного уклада. В одних вариантах развития это выражалось в формировании крестьянской общины. В других дело обстояло несколько иначе. Прежде всего рассмотрены варианты с формирующейся крестьянской (*пракрестьянской*) общиной. Их два *протополитарное* общество и *пракрестьянское* общество.

Протополитарное общество. В первом из них крестьянская община формировалась в неразрывной связи с протополитарным способом производства. Протополитарное общество, бесспорно, один из самых важных, если не самый важный тип позднего предклассового общества. Оно имело самое широкое распространение. В Африке южнее Сахары оно существовало у южноафриканских банту ⁵³, баганда, басога, баньоро, баторо, баньянколе, бахайя баха, базинза, васакума ⁵⁴, фон, эдо (бини), йоруба, хауса, тикар, бамилек моси, дагомба, мампруси, волоф, менде, ашанти ⁵⁵, бемба ⁵⁶, азанде ⁵⁷ и многи.

других этнокультурных групп, часть из которых еще будет упомянута в дальнейшем изложении.

В Азии бытие протополитарного общества отмечено у части качинов Мьянмы (Бирмы)⁵⁸, части чинов той же страны⁵⁹, коньяк нага Индии⁶⁰, муонгов Вьетнама⁶¹, на о. Тимор⁶². В Океании протополитарное общество существовало на о. Новая Каледония⁶³, на островах Фиджи⁶⁴, на Гавайских островах⁶⁵. Таити⁶⁶, Тонга⁶⁷. К моменту открытия Америки протополитархии существовали на о. Гаити (Эспаньола)⁶⁸, о. Пуэрто-Рико⁶⁹, у собственно чибча или муисков Северных Анд⁷⁰ и многих других народов Эквадора, Колумбии, Венесуэлы и Панамы⁷¹. Одной из самых известных протополитархий Северной Америки является общество натчей⁷². Другая, не менее известная протополитархия этого континента — Поухатан⁷³.

В обществах рассматриваемого типа наряду с протополитарными отношениями существовали и иные образы и даже способы эксплуатации; прежде всего, различные разновидности доминатизма и магнатизма. Например в Буганде⁷⁴ и Кайоре⁷⁵ наряду с протополитаризмом существовало рабство, у ашанти⁷⁶ и в Дагомее⁷⁷ — рабство и кабальничество, у йорубов — заемнодоминатные, доминантно-рабовладельческие и магнатно-рабовладельческие отношения⁷⁸.

Но все эти формы эксплуатации играли в данных обществах второстепенную роль. Ведущим в них был протополитарный способ производства, что дает основание характеризовать их как протополитарные.

Не описывая структуры отдельных конкретных протополитархий, ибо это сделано в уже упоминавшейся моей работе «Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии», ограничимся лишь общей их характеристикой.

Основой протополитарного общества был протополитарный общественно-экономический уклад, включавший в себя в качестве необходимейшего момента формирующийся крестьянско-общинный (пракрестьянско-общинный) уклад. Низовой единицей протополитарного общества была формирующаяся крестьянская (пракрестьянская) община. Последняя всегда входила в состав более крупного социального образования — протополитархии. Протополитархия могла быть непосредственным объединением пракрестьянских общин. В таком случае верховному правителю — протополитарху были непосредственно подчинены старосты общин. Перед нами протополитархия с двумя уровнями управления. Такой, например, была одна из протополитархий босога, носившая название Бусамбиры. Ее наследственному правителю — кисамбире были непосредственно подчинены старосты всех 12 входивших в нее деревень. Население Бусамбиры составляло около 4 тыс. человек⁷⁹.

В более крупных протополитархиях существовала трехзвенная система. Протополитарху подчинялись правители более мелких подразделений (дистриктов, округов), которым в свою очередь были подчинены старосты общин. При этом протополитарх был обычно и главой столичного округа. Еще более крупные протополитархии представляли системы из четырех уровней: протополитархия — области (провинции) — округа (дистрикты) — общины. В протополитархии Басутоленд с населением в 682 тыс. человек в 1939 г. насчитывалось 18 правителей областей, 316 правителей округов и 1006 старост⁸⁰. В этнографической литературе протополитархии обычно именуются вожествами (chiefdoms), государствами (states), королевствами (kingdoms) и даже иногда империями (empires). Последние два термина употребляются обычно для обозначения крупных и очень крупных протополитархий.

Иногда протополитархия совпадала с деревней, но в таком случае последняя была обязательно подразделена на кварталы, во главе которых стояли старосты, подчиненные правителю деревни — протополитарху. Так, например, все 2300 тлоква Бечуаналенда жили в одной деревне, подразделенной на 5 кварталов, одним из которых непосредственно управлял вождь селения⁸¹. Роль общины в таком случае играла не деревня в целом, а каждый из ее кварталов. Во всяком случае в любой протополитархии было не менее двух уровней управления.

Даже старосты общин, если не формально, то реально имели право на долю продукта, создаваемого ее членами. Право всех вышестоящих правителей на долю продукта, создаваемого их подданными, было безусловным. Для них обрабатывались особые поля, им шла доля податей, штрафов и т. п. Все это использовалось и для содержания как самого правителя, так и его аппарата, состоявшего из определенных должностных лиц. Наибольшая доля прибавочного продукта шла верховному правителю — протополитарху, который имел право на жизнь и смерть своих подданных. Он мог не только приговаривать их к смерти, но в определенных случаях также и казнить без суда. Как уже указывалось, политарный (а тем самым и протополитарный) способ производства предполагал собственность политаристов (и соответственно протополитаристов) не только на средства производства, прежде всего землю, но и на личность непосредственных производителей.

Эволюция протополитарного общества. Протополитарный способ производства возник из преполитарного способа эксплуатации. Пример перерастания преполитаризма в протополитаризм и соответственно становления протополитархии дают меланезийцы островов Тробриан⁸². Первоначально протополитархии были невелики. В дальнейшем началось их укрупнение. Одни протополитархии подчиняли себе другие. Вначале зависимость одних протополитархий от других выражалась в уплате дани. Возникали державы — объединения, состоящие из одной доминирующей протополитархии и некоторого числа зависимых. Следующий шаг — превращение ранее самостоятельных протополитархий в составные части — округа или провинции одной единой крупной протополитархии. Наглядный пример возникновения крупного протополитарного социально-исторического организма, окруженного массой зависимых более мелких протополитархий, дает история зулусов.

В 1816 г. Чака стал правителем протополитархии Зулу, занимавшей территорию в 100 кв. миль, с населением чуть более 2 тыс. человек. В его армии было 500 воинов. За год он подчинил себе 6 протополитархий. Территория, которую он контролировал, возросла в 4 раза, а армия увеличилась до 2 тыс. человек. К концу 1818 г. под властью Чаки оказалось более 30 протополитархий с общей территорией в 7 тыс. кв. миль. В конце 1821 г. территория протополитархии, возглавляемой Чакой, равнялась 11,5 тыс. кв. миль. В его армии насчитывалось 20 тыс. человек. К 1828 г. территория, контролируемая Чакой, увеличилась до 200 тыс. кв. миль, а его армия выросла до 50 тыс. человек⁸³.

В результате экспансии, но только растянувшейся на несколько веков, возникла крупная протополитархия Буганда. К началу XIX в. ее территория равнялась 26 тыс. кв. км, а население составляло 1 млн. человек. В зависимости от Буганды находилось множество соседских областей, одни из которых представляли протополитархии, а другие — местные системы небольших протополитархий (Анколе, Торо, Коки, Кизиба, Бухайя, Карагве, Ихангино, Бусога и др.)⁸⁴ Их население равнялось 1 млн. человек.

От протополитархий к политархиям. Укрупнение протополитархий способствовало созреванию протополитарных отношений, их превращению в политарные. Становящиеся классовые социально-исторические организмы трансформировались в зрелые классовые. Переход от позднего первобытного общества к предклассовому произошел тогда, когда возникла не просто эксплуатация, а образы эксплуатации, основанные на частной собственности. Формирующиеся классовые отношения вообще и протополитарные в частности отличаются от сформировавшихся классовых отношений вообще, и политарных в частности, прежде всего степенью зрелости. Внешним признаком завершения процесса созревания, формирования классовых отношений вообще, и политарных в частности, является систематическое сооружение монументальных каменных или кирпичных строений (храмов, дворцов) и появление письменности. Это достаточно надежный показатель перехода от предклассового общества к классовому⁸⁵.

Превращение одной из протополитархий в политархию произошло буквально на глазах европейских наблюдателей. Крупная протополитархия Конго возникла в XIII в. в результате объединения под властью одного правителя целого ряда более мелких протополитархий: Мпемба, Мпангу, Сойя, Мбамба, Мбатта, Нсунди. Последние из самостоятельных социально-исторических организмов превратилось в составные части — провинции одного единого социально-исторического организма. Возникшее прагосударство Конго стало ядром крупной державы. Его данниками стали протополитархии Нгойо, Каконго, Лоанго, Ангола, Матамба и некоторые другие. Расцвет державы Конго приходится на XV в. К этому времени ее территория равнялась 300 тыс. кв. км.

К концу этого столетия в Конго начали проникать португальцы. Влияние их было значительным. Было принято христианство, началось сооружение каменных храмов и дворцов, возникли школы, получила довольно широкое распространение грамотность⁸⁶. В Конго в XVI—XVII вв. появились все признаки цивилизации. Это было общество уже не предклассовое, а классовое.

Возникновение классового общества у инков произошло без воздействия со стороны, хотя и не без усвоения достижений предшествующих цивилизаций, существовавших на этой территории. Когда инки поселились в долине Куско, они образовывали небольшую протополитархию (вождество), состоявшую из нескольких деревенских общин (айлью). Утвердившись, она начала завоевательные походы. Трудно совершенно точно сказать, когда именно общество инков превратилось из предклассового в классовое. По мнению исследователей, поворотным пунктом было воцарение Пачакути Инки (1438—1471 гг.). При нем заново была перестроена столица инков — г. Куско. Были воздвигнуты грандиозные каменные сооружения — храмы и дворцы. Была построена самая большая во всей Америке крепость — Саксуман. Большое внимание было уделено совершенствованию кипу — «узелкового письма». В период своего наивысшего могущества — в первой четверти XVI в. — территория империи инков превышала 1 млн. кв. км. Численность ее населения составляла 6—10 млн. человек⁸⁷.

Возникновение классового общества в Египте произошло без какого бы то ни было влияния со стороны более развитых социально-исторических организмов. Египет довольно отчетливо разделяется на две части: Верхний Египет и Нижний Египет. Каждый из них состоял из небольших областей, которые носили название номов. В период Нового царства на территории Верхнего Египта насчитывалось 22 нома, в Нижнем Египте — 20 номов.

Номы возникли, вероятно, очень рано и первоначально представляли собой протополитархии. В дальнейшем номы в каждой из названных частей Египта были объединены. Произошло это не без войн. Имеются различного рода данные, свидетельствующие о войнах между отдельными номами и их небольшими объединениями⁸⁸. В конце концов возникли две сравнительно крупные протополитархии: верхнеегипетская и нижнеегипетская. Между ними разгорелась борьба, которая завершилась тем, что Верхний Египет подчинил себе Нижний. Это произошло при фараонах нулевой династии. Египет при них уже был классовым обществом: существовало монументальное зодчество и довольно развитая иероглифическая письменность⁸⁹.

В случае с Египтом, инками и Конго мы сталкиваемся с таким вариантом развития протополитарного, а затем и политарного общества, который условно может быть назван «деревенским». В полной мере это применимо к державе зулусов и Буганде, где никаких городов вообще не существовало. Даже их столицы не могут быть названы городами. В Конго были города, но они представляли собой прежде всего административно-управленческие центры, столицы государства в целом, провинций и округов.

«Городской» вариант протополитарного и политарного общества. Иное дело — вариант развития протополитарного и политарного общества — который условно может быть назван «городским». В этих обществах город не просто существовал, а был основной социальной единицей.

Город был не столицей протополитархии или политархии, а самой протополитархией или политархией. К подобного рода социальным образованиям термин «вождество» не применяют. Их обычно называют городами-государствами.

Наиболее яркий пример такого рода варианта дают йорубы Западной Африки. В XVI—XVII вв. население наиболее крупных йорубских городов насчитывало до 20—50 тыс. человек, в середине XIX в. — 20—70 тыс., в начале XX в. до 35—60 и даже 175 тыс. человек⁹⁰.

Низовой ячейкой города было социальное образование, которое именуется агболе. Агбола соответствует сельской общине народов, относящихся к «деревенскому» варианту. Несколько агболе составляли квартал — адугбо, который соответствовал округу «деревенского» варианта. Правители кварталов подчинялись правителю города — протополитарху. Жители городов в основном занимались земледелием. На время полевых работ горожане переселялись поближе к своим участкам. Так возникали деревни — аба. Они были естественным продолжением города. Хотя в аба было какое-то количество постоянных жителей, большую часть их населения составляли горожане. Между городами-государствами у йорубов происходили войны, в результате которых возникали крупные протополитархии, включавшие в свой состав столичный город и подчиненные города⁹¹.

Но при этом варианте развития возникновение крупных протополитархий не было необходимым условием перехода к классовому обществу. В Двуречье к моменту перехода к классовому обществу существовало множество сравнительно небольших протополитарных социально-исторических организмов. Именно они и превратились в столь же небольшие политархии, которые исследователи характеризуют как города-государства. Объединение этих городов-государств в крупную политархию, ставшую ядром большой державы, произошло значительно позже. Это связано с именем Саргона Древнего (2316—2264 гг. до н. э.)⁹².

По «городскому» пути шло развитие ацтеков. Основанный ими, по-видимому, в 1325 г. Теночтитлан представлял собой типичную городскую протополитархию. Основу для подобного суждения дает структура позднего Теночтитлана, который был уже политархией. Население его составляло 200 тыс. человек. Низовой социальной единицей были калпулли, которые соответствовали агболе йорубов. Каждая из 14 калпулли занимала малый квартал. Калпулли были сгруппированы в большие кварталы, которые соответствовали адугбо йорубов. Главы больших кварталов были непосредственно подчинены правителю города.

Трудно совершенно точно сказать, когда Теночтитлан превратился из протополитархии в политархию, но несомненно, что при Ицкоатле (1428—1440 гг.) ацтеки жили уже в классовом обществе. Этот правитель начал воздвигать каменные храмы. Была сооружена дамба, соединяющая остров, на котором находился город, с материком. При нем уже существовала иероглифическая письменность. С 1428 г. ацтеки начали бесконечные завоевания, в результате которых возникла огромная держава⁹³.

Упадок протополитарных и политарных обществ. Было бы ошибочно полагать, что развитие протополитарного общества всегда шло по линии непрерывного укрупнения протополитархий. Наряду с этим процессом наблюдался и прямо противоположный: распад крупных протополитархий на мелкие. Так, например, возникшие в XVI в. крупные протополитархии Лоанго, Лунда, Луба к XIX в. распались на множество мелких протополитарных образований⁹⁴. И переход к цивилизации не гарантировал от подобной участи. С XVI в. отчетливые признаки упадка обнаруживаются в Конго. В XVII в. бывшие провинции Конго становятся вполне самостоятельными социально-историческими организмами. В XVIII в. и они распадаются. Одновременно происходит полный отход от христианства, прекращается строительство новых монументальных каменных сооружений, а старые забрасываются и разрушаются, исчезает письменность. Классовое общество сменяется предклассовым. В XIX в. на месте некогда могущественного государства существует множество не очень прочных протополитархий⁹⁵.

И объясняется это вовсе не тем, что цивилизация была привнесена в Конго извне и поэтому не укоренилась. Погибла, например, естественно выросшая цивилизация Хараппы. Такая же участь постигла общество Ахейской Греции. И здесь мы сталкиваемся с возвращением со стадии классового общества на стадию предклассового.

В случаях с Лунда, Луба, Конго развитие не пошло дальше распада крупных протополитарных и политарных социально-исторических организмов на множество мелких протополитархий.

Протополитарное и пракрестьянское общество. Однако известны примеры и полного исчезновения протополитархий, а тем самым и протополитарного способа производства. На месте бывшей протополитархии оказывается множество вполне самостоятельных пракрестьянских общин. Близки к такому состоянию были шиллуки Судана⁹⁶. И совершенно определенно это можно сказать об ануаках этого же региона⁹⁷. Однако о том, когда и каким образом исчезла протополитархия у ануаков, ничего не известно.

Более определенными являются свидетельства о качинах Мьянмы (Бирмы). У части их существовали протополитархии. Эта общественная система, которую исследователи характеризуют как аристократическую, носила название *гумса*. У другой части качинов были обнаружены лишь самостоятельные пракрестьянские общины. Эту систему, которую исследователи характеризуют как демократическую, называли *гумлао*.

И эти две системы не только сосуществовали, но по крайней мере одна из них — *гумса* могла превратиться и превращалась в *гумлао*. Это превращение происходило в результате «революции». Правителей убивали, изгоняли или, в лучшем случае, лишали прежних прав. Превращение *гумса* в *гумлао* есть факт, который никем не оспаривается. По мнению Э. Лича, имел место и обратный процесс: превращение *гумлао* в *гумса*⁹⁸. Такого мнения придерживаются и некоторые другие исследователи⁹⁹. Однако в последнее время тезис о превращении *гумлао* в *гумса* стал оспариваться¹⁰⁰.

Протополитарные и пракрестьянские структуры сосуществовали у нага Индии. При этом у ангами нага, живших пракрестьянскими общинами, бытовали предания, что когда-то ими правили могущественные вожди¹⁰¹.

Если в отношении качинов мы не можем с уверенностью сказать, что у них имело место превращение пракрестьянской организации в протополитарную, то у алуоров Заира и Уганды и их соседей такой процесс засвидетельствован. По соседству с протополитархиями алуоров существовало множество самостоятельных пракрестьянских общин. Нередко случалось, что несколько таких общин объединялось под властью сына правителя одной из протополитархий. В результате образовывалось вассальное вождество. Это могло произойти как по инициативе правителя протополитархии, нередко угрожавшего применить силу, так и добровольному желанию жителей общин, образовавших новое вождество. Возникшее как вассальное, новое вождество могло долго сохраняться в таком состоянии, а могло либо войти в качестве округа в состав доминирующей протополитархии, либо стать вполне самостоятельным прагосударством. В результате наблюдалось постоянное расширение территории, занимаемой протополитархиями, за счет земель, на которых обитали самостоятельные пракрестьянские общины¹⁰².

Протополитархии могли распасться на самостоятельные пракрестьянские общины, а последние синтезироваться в протополитархии. Но протополитархии и пракрестьянские общины не были последовательно сменяющимися стадиями эволюции предклассового общества. Протополитарное общество совершенно не обязательно должно было возникнуть из пракрестьянского. Его появление было закономерным результатом развития протополитарного общества. И самостоятельные пракрестьянские общины совершенно не обязательно должны были образовываться в результате распада протополитархий. Они вполне могли прийти на смену обществу с позднейшими бигменами. Протополитарное и пракрестьянское общества были двумя параллельно существующими вариантами развития пред-

классового общества. Но это были такие параллельные линии, которые могли взаимно переходить друг в друга. При всем различии между ними было фундаментальное сходство: и тот и другой вариант предполагал существование пракрестьянской общины.

Пракрестьянское общество. Пракрестьянское общество имело достаточно широкое распространение. Выше уже были упомянуты качины, ангами нага, алуры, ануаки. К ним можно добавить каупуис (кабуис) нага¹⁰³, часть качинов Мьянмы¹⁰⁴, бвамба Уганды¹⁰⁵, тив Нигерии¹⁰⁶, кпе Камеруна¹⁰⁷, конкомба Того¹⁰⁸, таллензи Ганы¹⁰⁹, логоли, вугуси и других банту Кавирондо¹¹⁰. Для перечисленных выше и многих других народов характерно существование вполне самостоятельных пракрестьянских общин. Общество у них было однообщинным пракрестьянским.

Но и в пракрестьянском обществе действовала тенденция к укрупнению социально-исторических организмов. Она проявлялась по-разному.

Одно направление — укрупнение размеров общины. Для этого существовало два основных способа. Один — соединение ранее независимых общин, превращение последних в подразделения одной общины. Среди пракрестьянских общин особое место занимают деревенские, члены которых жили в одном селении. Объединение деревенских общин сопровождалось их сселением в одном месте. Ранее самостоятельные общины становились кварталами одной деревенской общины. Были селения, в которых кварталы играли большую роль, чем деревня в целом. В таком случае жители деревни образовывали не столько общину, сколько надобщину. Но в целом развитие шло по пути образования одной единой общины.

Другой способ — прекращение деления общины. Обычно общины, разрастаясь, делились. Возникали дочерние общины, которые сразу или со временем становились вполне самостоятельными. Когда возникла тенденция к укрупнению общин, последние, разрастаясь, долгое время не делились. В результате размеры общин возрастали.

По пути укрупнения общин шло развитие ангами нага. В некоторых из их деревень было по 800 дворов с населением в 4 тыс. человек¹¹¹.

Другое направление — возникновение социально-исторических организмов, состоящих из нескольких общин. Разрастаясь, общины делились, но старые и вновь образовавшиеся общины продолжали образовывать один социально-исторический организм. Общины переставали быть социально-историческими организациями, становясь частями более крупного организма. Такие надобщинные социально-исторические организмы часто именуют племенами. Наиболее ярким примером могут послужить гуроны первой половины XVII в. У них существовало 4 племени. Одно из них занимало 14 деревень, два — по 7 деревень, одно племя полностью жило в одной деревне¹¹². В последнем случае мы имеем дело не столько с племенем, сколько с деревенской общиной. Но эта община занимала равное с многообщинными организмами положение, что давало основание именовать племенем.

Существовало еще два способа возникновения более крупных социальных формирований. Один из них состоял в подчинении одних деревень другими. Нередко при этом подчиненные деревни платили дань господствующей. Так, например, обстоит дело у некоторых групп нага¹¹³. Другой путь состоял в образовании более или менее добровольных союзов деревень. Союзы отличались от племен, которые были единными социально-историческими организациями. Они были объединениями, в составе которых каждая община продолжала оставаться социально-историческим организмом. Конечно, союз общин со временем мог превратиться в один социально-исторический организм, но это было не обязательно.

Союзы пракрестьянских общин существовали у бвамба¹¹⁴. Вероятно, пракрестьянскими были многие аульные общины Дагестана в XVIII — первой половине XIX в.¹¹⁵ И почти все они, если не все вообще, входили в состав союзов, которые

принято именовать вольными обществами. Примером может послужить вольное общество Ахты-Пара, состоявшее из 12 селений во главе с аулом Ахты. Таких обществ было более сорока: Койсубулинское, Анди, Кхень, Ункратль, Карах и другие ¹¹⁶.

Начавшись, процесс возникновения крупных социальных образований мог идти и дальше. Племена могли образовывать союзы. Так, все 4 племени гурунов составляли конфедерацию ¹¹⁷. Хорошо известен другой пример — Лига ирокезов, объединявшая вначале 5, а затем 6 племен ¹¹⁸. Вольные общества Дагестана, представлявшие союзы аульных общин, в свою очередь могли объединяться в союзы. Подобный союз существовал, например, у акушинских даргинцев ¹¹⁹.

В пракрестьянских обществах могли существовать и нередко существовали различные формы эксплуатации. У тив ¹²⁰ и во многих вольных обществах Дагестана ¹²¹ имело место рабство. Ирокезы собирали дань с подчиненных народов ¹²². У них были рабы ¹²³. Но отношения эксплуатации, если и существовали в пракрестьянских обществах, не играли в них существенной роли. Они были придатками к господствовавшему пракрестьянско-общинному укладу.

Если протополитарное общество было формирующимся классовым, протоклассовым, то пракрестьянское общество таковым не было. Оно было предклассовым как протополитарное, но в отличие от него не было протоклассовым. Предклассовым оно было постольку, поскольку в нем шел процесс формирования крестьянско-общинного уклада.

(продолжение в № 2)

Примечания

- ¹ Ferguson A. An Essay in the History of Civil Society. Edinburgh, 1767.
- ² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 19. С. 417—418.
- ³ Там же. Т. 21. С. 139.
- ⁴ Равдоникас В. И. История первобытного общества. Ч. 2. Л., 1947. С. 77—79; Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957. С. 124—137; его же. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 6—7, 37; Колганов В. М. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962. С. 136—162; Маретин Ю. В. Основные типы общин в Индонезии // Проблемы истории докапиталистических обществ (далее — ПИДО). Кн. 1. М., 1968. С. 336—341 и др.
- ⁵ Fock N. Waiwai. Copenhagen, 1953.
- ⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 19. С. 417, 419.
- ⁷ Там же. Т. 22. С. 443—444, 452; Т. 36. С. 78, 97; Т. 39. С. 129.
- ⁸ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. С. 6, 47, 55, 56 и др.
- ⁹ Там же. С. 79, 82.
- ¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 21. С. 113; См. также. С. 160—166.
- ¹¹ См. Лейбович Е. С. Выступление в прениях по докладу Б. Д. Грекова // Известия Гос. академии материальной культуры. Вып. 86. М.; Л., 1936. С. 130; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 12—245; Мавродин В. Древняя Русь. М., 1946. С. 115, 133, 136.
- ¹² См. Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976.
- ¹³ См. Семенов Ю. И. Экономическая антропология // Этнология в США и Канаде. М., 1989.
- ¹⁴ Семенов Ю. И. Типология ранних форм эксплуатации // Народы Азии и Африки (далее — НАА). 1985. № 4.
- ¹⁵ См. Семенов Ю. И. Общественно-экономические уклады // Теория общественно-экономической формации. М., 1982. С. 133—136.
- ¹⁶ См. Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община. С. 60—61; его же. Типология ранних форм эксплуатации // НАА. 1985. № 4. С. 61—62.
- ¹⁷ См. Семенов Ю. И. Типология ранних форм эксплуатации. С. 68.
- ¹⁸ Там же. С. 62—65.
- ¹⁹ Государство и эволюция аграрных отношений в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980.
- ²⁰ См. Семенов Ю. И. Социально-экономический строй Древнего Востока: современное состояние проблемы // НАА. 1988. № 2. С. 154—155.
- ²¹ См. Семенов Ю. И. О стадийной типологии общины // Проблема типологии в этнографии. М., 1979; его же. Основные этапы эволюции первобытной экономики // НАА. 1984. № 1.
- ²² Рукопись объемом в 31 печ. л. утверждена к печати Ученым советом Института этнологии и антропологии АН СССР в декабре 1990 г., передана в издательство «Наука» в декабре 1991 г.
- ²³ Об этих понятиях см.: Семенов Ю. И. Основные этапы эволюции первобытной экономики. С. 57—58.